

УДК 81-25

ОБРЯДОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИКАМЬЯ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье описывается варьирование народной обрядовой терминологии – стилистически нейтральных наименований ритуальных предметов, участвующих в обряде персонажей, обрядовых действий и эпизодов, относящихся к обрядам русского населения Прикамья. Устанавливаются словообразовательные, грамматические и лексические типы преобразований народных терминов, выявляется их деформация в условиях современного разрушения традиционной обрядности. Анализируется воплощение в вариантных формах терминов архаических инвариантных схем, описываются компонентные преобразования этих изначальных схем и образцов. Делается вывод об отражении в формальной нестабильности диалектных обрядовых терминов вариативности народной культуры в целом.

Ключевые слова: обрядовая диалектная терминология; инвариантные формы термина; компонентное варьирование; причины формальной нестабильности народного термина.

К терминам народной культуры относится значительный по объему пласт диалектной лексики и фразеологии: наименования ритуальных предметов, участвующих в обряде персонажей, обрядовых действий и эпизодов. Обрядовые термины одновременно принадлежат языку и культуре и обозначают «наиболее значимые элементы последней» [Толстая 2008: 211]. Как и любой другой термин, номинация реалий ритуальной практики безоценочно обозначает специальное понятие, только связанное не с научной, а с мифологической картиной мира, с условными ритуально-символическими действиями и ситуациями.

Специфика бытования народного культурного термина, как и любого другого слова, во многом связана с отсутствием нормативной регламентации для живой речи. Отсутствие письменной закреплённости, а также сохранение компонентами составной номинации свойств, присущих слову в свободном употреблении, приводят к слабой формальной стабилизации этих знаков. Научная и общественно-политическая терминология, которая нуждается в стандартизации и систематизации, варьируется меньше (формально преобразуются прежде всего термины-заимствования [Денико, Щитова 2015: 107]). В литературном языке по большей части варьированию подвергаются слова заимствованные, книжные, слова ограниченной сферы употребления, тогда как в говоре вариантными часто являются широкоупо-

ребительные, стилистически нейтральные слова [Блинова 1972: 100].

Языковые варианты – это формальные разновидности одной и той же языковой единицы как независимой сущности. Повышенная вариантность составного народного термина связана с частичным изменением компонентного состава устойчивых сочетаний (при сохранении семантического тождества), при этом мотивирующее значение образ остается общим, лишь частично модифицируясь [Ширнина 1990: 2]. Способов преобразования составных терминов традиционной обрядности достаточно много – словообразовательный, лексический, морфологический, синтаксический.

Минимальное изменение образности термина отмечается в словообразовательных вариантах. Сочетания *выкупать/окупать/закупать место* ‘требовать оплаты за место за свадебным столом’ содержат преобразование глагола, задаваемое синонимией префиксальных морфем: *Жених целует девок за столом – место выкупает* (Загизга, Усольский район); *Как жених в дом вошел, от него требуют место закупать. Ну, он тут конфеты достанет, вина* (Григорьевское, Нытвенский район). Аналогично словообразовательное варьирование имеет место в ряду обозначений заплетания волос невесты в две косы (в женскую прическу) *окручать/укручать/выкручать невесту*. С помощью разных приставок вводится указание на направленность действия (приставка *о-*

обозначает движение по окружности), на его полноту (приставка *у-* указывает на распространение действия на всю поверхность головы невесты), на доведение действия до нужного предела (приставка *вы-*): *Две свахи в доме жениха за перегородкой невесту окружают – бабой делают* (Монино, Усольский район); *Укручают невесту перед печкой, чело тут, посадят* (Серегово, Чердынский район). Заплетание кос и укладывание их вокруг головы соотносится с обозначенной глагольным корнем идеей круга, имеющего охранную и продуцирующую семантику (ср.: «...Круг один из наиболее частотных символов брака. Он находит обрядовое воплощение в целом ряде круглых и кольцеобразных свадебных предметов... реализуется также в виде разнообразных круговых и вращательных ритуальных действий: верчение, кручение, витье, сучение, оборачивание кругом, обход или обнесение вокруг чего-либо» [Гура 2012: 702]).

Более сложный характер имеют вариантные названия символа девичества невесты *дэвья/дівья/девичья красота/краса*. Форма с *дэвья* связана с *дева* ‘девушка’ (древнее субстантивированное прилагательное с суффиксом *-va*, восходит к индоевропейскому корню **dhei-* со значением ‘способная кормить грудью своих детей’ [Трубачев 1959: 71–72]). Вариант с компонентом-прилагательным *дівья* связан, вероятно, с древним *дивий* ‘неручной, недомашний’, ‘удивляющий своим видом’ (ср. *диво* ‘чудо’, *дивиться* ‘удивляться’, пермское *дивья* ‘удивительно’) и, возможно, с древними обозначениями богов и богинь (типа праслав. *Divъ*, которое восходит к индоевропейской основе **di*, давшей в том числе греческое *theos* «божество» [Фасмер 2003: 513]). Алые ленты невесты в этом случае идеализируют ее, соотносят с богиней, основательницей новой жизни. Вариантность названий осознается лишь для современного состояния языка; название красоты *девичья краса* представляет собой полностью осовремененный вариант.

Сравнительно редкий тип структурного преобразования фразеологического обрядового термина – эллиптизация. Первое после сватовства посещение дома родителей невесты родителями жениха в сватовство *перва встреча*: *В первую встречу мы приехали с вином, тут назначали день свадьбы* (Одинцово, Карагайский район) могло называться просто *встречей/стричей*. С помощью этого термина выделен особый момент обряда – контакт ранее чужих родов (ср. также *первая встреча, встреча* в похоронном обряде особое подаяние первому встретившемуся, условно воспринимаемому как первому представителю «того света»).

Одно из наиболее заметных явлений в варьировании обозначений реалий традиционного обряда – аналого-синонимические замены. Названия подаяния первому встречному на пути похоронной процессии *три милостыни, три котомочки, три кошелька, три мешочка, три подачи, три встречи/три встречны* включают внешнюю характеристику подаваемого (*кошель, котомка, мешок*), название момента исполнения (*встреча*), название самого действия (*подача*). Нередко варьируется при этом для каждой из милостынь и содержимое подаяния, которое предназначено для «обустройства» умершего на новом месте: *У нас три встречи делают: первая встреча – ложка, чашка, нитки, хлебушко, конфетки, вторая – кружка, нитки, хлебушко, конфетки, а третья встреча – только хлеб и нитки* (Андреево, Кисертский район). Преобразование терминов может быть связано с тем, что в народной культуре нередко сосуществуют одновременные элементы. Древнерусское название яства, кушанья *ество* входит в состав названия трех обязательных блюд на поминках по умершему *три ествы/есцы*: *На поминки обязательно три ествы делали, суп, блины, кисель* (Калинино, Кунгурский район); при этом архаизованное слово обеспечивает необходимую сакральную краску номинации. Впрочем, в последнее время варьирование все чаще включает нейтральные номинации – *три еды, три пищи, три перемены*: *На девять дней три перемены надо было делать. Три раза пельмени подавали – кислые, мясные, грибные* (У.-Уролка, Чердынский район). Необходимое сакральное указание обеспечивается в этом случае числом *три*.

Синонимические замены редко носят характер экспрессивного варьирования. Выражение *деньги выжимать/выколачивать* обозначает сбор подружками невесты выкупа, платы за невесту при исполнении величальных песен: *Величают когда, тарелку поставят, девки песни поют, деньги выколачивают* (Кекур, Усольский район). Введение интенсивного глагола *выколачивать* ‘применяя давление, получать от кого-то выгоду’ мотивирован характером исполняемой акции. Выкуп это не только развлечение для гостей и демонстрация материальной состоятельности жениха, а еще и его инициация. Возможна также замена компонента более сниженным синонимом. Сочетание *слёзы доставать* ‘исполнять причитания для невесты’ имеет дублет *слёзы добывать*: *В гостях на девичнике не веселятся, добывают слёзы, поют жалобные песни* (Григорьевское, Нытвенский район). Примером стилистической замены синонимов является оборот *пух везти* ‘везти приданое невесты в дом к жениху’ и *килу везти*: *Сперва молодые едут,*

после родителей-то, а потом сваха – килу везёт, невестино добро (Амбор, Чердынский район). В последнем варианте *кила* эвфемически обозначает приданое. *Килой* называется болезненная опухоль в теле (чаще насыалась колдунами), т. е. что-л. неприятное, негативно оцениваемое. Постепенно в говорах так стали называть отстающего в работе. Сравнение приданого с *килой* не просто указывает на нахождение повозки в конце свадебного поезда, оно, обозначая приданое уничтожительно, может быть средством вербальной апотропеи. Отметим также, что *кила* как таковая, увеличивающая объем тела или растения, могла соотноситься с идеей роста, богатства (откуда пермское диалектное *килатый* ‘богатый’).

Примером варьирования, вносящего в название дополнительные культурные коннотации, является обозначение совершения особого рукопожатия в день публичного оглашения решения о свадьбе – *прижимать руку и бить по рукам*: *Один из сватов возьмет с умывальника на руку воду-то и на венчик брызжет, тут уж невеста согласится, а там уж руку прижимают* (В.-Язьва, Красновишерский район). В обряде рукобитья родители жениха и невесты надевали холщовые рукавицы и били по рукам друг друга в знак скрепления договора (в Прикамье это делали также и жених с невестой). Скрепление договора также достигалось тем, что родственники с двух сторон схватывались правыми локтями (сваты разнимали им руки тем, что били по рукам хлебом [Гура 2012: 408]). Варианты *прижимать руку и бить по рукам* обозначают разные виды рукопожатия – увеличение или его силы (*бить*), или долготы (*прижимать*): и то и другое действия свидетельствуют о стремлении к единению.

Одна из причин преобразования терминологических номинаций – разрушение традиции, которое приводит к появлению деформаций. Сочетание *пожурёное ведро* обозначает угощение для свидетелей свадьбы (*пожуренное*, или *пузыряно* – от *пузырь* ‘пузатая склянка, бутылка’): *У жениха ещё пожуренное ведро выносят: ведро пива в сенки выносят этим же смотрельщикам, которые смотрят свадьбу-ту* (Володино, Соликамский район). Исходная мотивация термина забывается, и название напитка-угощения начинает связываться с *журить* ‘укорять’. Особенно наглядно эта вторичная мотивировка видна в названии используемого при угощении жениха в доме невесты *журёного пирога*: *Вот поели, попили, жених идет на кухню есть журёный пирог, это ещё в доме невесты перед самым отъездом. Он ест, а все подружки стараются его дернуть за волосы сзади, сваха тут платком его закрывает* (Пож, Юрлинский район). Название готовящегося

специально к свадьбе блюда *коронованное блюдо* содержит соотношение с *коронованный* ‘увенчанный короной, предназначенный для коронации’ и *коронный* ‘лучше всего удающийся’: *Пирог рыбный принесут, это первое блюдо коронованное, там щи, потом холодец, запеканку принесут* (Ратегово, Чердынский район). Примером деформации, связанной с поиском мотивировки, является также название смеси порошка ладана с пчелиным воском, смолой, ароматическими травами, входящей в состав котомочки в обряде проводов души на сорочинах, так называемый *демьянский*, или *темьянский ладан* (Юм, Юрлинский район). В названии искажено начальное *темьянский*, от народного названия пряной травы чабрец *темьян* из *тимьян* (заимствование из греческого языка, родственное названию благовоний фимиам). Новая форма *демьянский*, возможно, связана с именем св. Дамиана, который, по народным представлениям, как и его брат Косьма, хорошо знал целительные свойства трав.

Особая разновидность варьирования связана с понятием инвариантной схемы. Инвариант как абстракция отображает некую общую идею, характеризует общие свойства осмысливаемого явления, понятия. Обрядовая культура, как и культура в целом, закреплена в этих базовых образцах, называемых также когнитивными (когнитивно-ассоциативными) структурами. В конкретных условиях бытования или применения эти общие структуры могут заполняться, подвергаться изменениям, трансформироваться; содержащиеся в отдельных вариантах конкретные смыслы выступают в качестве вербализации и интерпретации инварианта. Например, в говорах известно особое название *ставальный* для пирога (обычно из кислого теста, обложенного сверху сушеной малиной), подаваемого последним блюдом в день просватанья: *Последним блюдом на просватанье – рукобитьи подавали ставальный пирог* (Дедюхино, Усольский район). Ему соответствует название подаваемого последним напитка-угощения *ставальная рюмка*: *Перед ставальным пирогом на рукобитье каждому гостю подносили ставальную рюмку вина* (Дедюхино, Усольский район). В совокупности названия ритуальной закуски и выпивки стоя распространяются на выделение финала праздника. Это и момент прощания (угощение является иносказательным знаком окончания застолья и намеком уходить), и последнее чествование участников обряда (в связи с традицией пить стоя в знак особого уважения).

В рамках инвариантной модели продуктивны замены компонента составного термина на основе синонимии, тематически родственных слов и гипо-гиперонимов. Тематически близкие слова

задействованы в названиях обрядовой процедуры выкупа в различные моменты свадьбы: *выкупать стол/пирог/дверу/мост/ворота/дорогу/рюмку/ложки/постель/подушки*: Жених ворота выкупает, там же все надзиратели стоят (Юрла); *На второе утро выкупают пирог рыбный, ложки выкупают, рюмку выкупают и пирог* (Зула, Юрлинский район); *На другой день вилки, ложки – все продавали, даже стопки*: «Выкупи стопку – подадим вино». *Гость в стопку денежку положит, девки достанут, тогда уже вино нальют* (Одинцово, Карагайский район). Встречаются обозначения выкупа с заменами тематически близких компонентов: *приданое выкупать (отморозивать, отмачивать)*. Здесь форма выкупа обусловлена обстоятельствами его проведения (в частности, словами, требующими выкупа: *приданое примерзло к саням*). Свадебное одаривание в разных формах представлено сочетаниями типа *золотить молодых* ‘вручать деньги молодым в качестве подарка перед началом свадебного пира’: *В большие столы все гости садятся за столы, молодая режет пироги. На пирог ставится тарелка, гости кладут на нее деньги: золотят молодых* (Чердынь); *вином золотить ‘угощать родственников невесты во время их вхождения в дом жениха’: Сват, дружка и тысяцкий выражают бутылку или золотят вином и деньгами, сразу после того, как выкупили ворота* (Буб, Сивинский район); *золотить косу ‘дарить подарки невесте при расплетании косы’: Когда невесте волосы расчёсывали, каждый, кто чесал волосы, подносил ей подарки, косу золотил* (Ильинское); *стол золотить о выкупе свадебного угощения: В столованье ещё стол золотят. На стол кладут тарелочку, хозяин первый подходит и мелочь-то в тарелку «чак»: «Вот столик золотить, чем богатые, тем рады» – скажет, так кто рублёвку, кто копеечку, каждый кладёт, тут песен-то не поют ещё* (Юрла). Момент обряда подчеркивает исключительный статус невесты: золото устойчиво ассоциируется с богатством, высоким статусом, знатностью, выступает как символ божественного, идеального, наконец, как знак плодородия.

Разнообразие форм выкупа при общности смысла (выкуп демонстрирует материальную состоятельность мужа и его родни) иллюстрирует дублированность названий обрядовых акций. Ритуальная процедура выкупа воды во второй день свадьбы участниками обряда называется *выкупать воду/колодец*: *На другой день ходят по воду, друг друга водой обливают, что попало делают. Невеста идет с ведрами, а жених ее охраняет, чтобы она воду не пролила. Когда воду принесли, все ее выкупают, бросают в ведро*

железные деньги (Ярино, Карагайский район). Другой способ выкупания, дарения воды связан с действиями невесты: *Пошла невеста за водой. В колодец бросает кусок хлеба и мелочь. Дарит воду, покупат воду* (В.-Язьва, Красновишерский район). Обрядовая процедура посещения молодой реки разворачивается в особый ритуал: *Дарят воду, деньги кидают, умываются молодые, специально полотенце берут, чтобы утираться. Оба должны дарить воду: «Святая вода, дарю тебя, люби меня* (Никольское, Карагайский район). Ритуальное одаривание новой воды (реки, колодца) обозначается также термином *золотить колодец*: *Чтобы жизнь была в достатке, молодуха на второй день свадьбы ходила золотить колодец* (Антипино, Красновишерский район). Все эти обозначения связаны с традиционным пониманием воды как первоосновы и первоначала жизни (ср. в связи с этим пермские выражения *вода не подходит, не вода* ‘не подходят условия для жизни где-либо, в том или ином месте’).

В вариантах *красоту оставлять/садить/раздавать* также проявляется реализация разных по исполнению обрядов близкой семантики (оставляли красоту в церкви при венчании, садили на божницу; ленточки-красоты невеста раздавала незамужним подружкам). В этом случае имеет место компонентное преобразование инвариантной схемы, с помощью которой обозначено не просто обрядовое действие, а изменение статуса девушки, ее готовность к материнству и браку (неслучайно в говорах она также называется *воля*). При обозначении одного из береговых действий в похоронной традиции *глядеть/смотреть в погреб/печь/голбец/баню* о ритуальном заглядывании в те или иные локусы дома для защиты от возможного прихода покойника (в виде беса) воссоздается своего рода заглядывание «прямо в глаза» смерти, что служит средством ее нейтрализации: *Чтобы не бояться, ещё заглядывают везде: и в погреб, и в хлев, в печку, чтобы не бояться, со словами глядят: «Нет, никого не вижу, никого»* (Ильята, Кишертский район). Особенно частотен в пермских говорах вариант *в печку смотреть*, который обозначает ритуал, проводимый не только после похорон, но и при покидании дома надолго, при заселении в новый дом: *Придешь куда жить в новое место, надо в печку посмотреть* (Пожва, Юсьвинский район). По сути, во всех этих случаях имеет место не столько контакт с наделенным священными или демоническими свойствами частями дома, сколько медитативное обращение к глубинам собственной души. Близкий пример сохранения этого архаичного инварианта – новая форма *под колеса смотреть*, соотносимая с сочетанием *под (ко-*

невыи) копыта смотреть: Чтобы не бояться покойника, раньше падали. Я вот помню, осталась шести годов от папы. Его повезли, мне велют: «В сани падай, под копыта смотри». Копыта надо увидеть, чтобы не бояться покойника. Это было (В. Кондас, Усольский район); Когда тронется машина, надо под колеса смотреть, чтобы не бояться покойника (Усть-Уролка, Чердынский район).

Разнообразием форм отличается обозначение ритуального раскидывания веток в день похорон перед гробом: *дорогу показывать*: *Дорогу показывают – ветки кидают, видимо, чтоб домой, не ходил* (Вилисово, Березовский район); *дорожку застилать*: *На еловые ветки наступать нельзя, человек вот болеет и умрёт. Это дорожку застилают умершему, он по ним идёт* (Верх-Меча, Кишертский район); *дорогу/путь чистить*: *Путь чистят – это перед покойником бросали пихтовые ветки. «Почистому», – говорили, это как он путь очищают* (Разим, Усольский район). Все эти формы связаны с общей идеей «делания» дороги умершему на тот свет и одновременно означают сохранение связи оставшихся в живых с теми, кто покинул этот мир.

Пермская диалектная обрядовая терминология демонстрирует разнообразные способы модификации термина-фразеологизма, разнообразие вариантов форм. Этот процесс усиливается к нашим дням, поскольку формы традиционной культуры все больше утрачивают целостный характер. Отмечены в говорах морфологическое варьирование, эллиптизация, субституции на основе тематического и синонимического рядов, наконец, искажения-деформации. Сознательная, стилистически направленная вариативность для обрядовой терминологии нетипична. Преобразования терминов не являются стилистическим приемом, они отражают вариативность народной культуры в целом, в кото-

рой заложен не набор отдельных образцов, а «некоторый комплекс возможностей», «синкретическое единство инвариантных культурных мотивов и образов» [Путилов 1994: 192].

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

Список литературы

Блинова О.И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972. Вып. 1. С. 99–108.

Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Денико Р.В., Щитова О.Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2015. № 3(27). С. 104–109.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 237 с.

Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 210–225.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественно-го строя. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель-арт, 2003. Т. 1. 587 с.

Ширнина О.А. Механизмы фразеологической вариативности: автореф. дис. ... канд. филол. н. Москва, 1990. 19 с.

RITUAL TERMINOLOGY IN RUSSIAN SUBDIALECTS OF PRIKAMYE: STABILITY AND VARIABILITY

Ivan A. Podyukov

Professor, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak languages, Methodology of Teaching Languages
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article describes variation of folk ritual terminology – stylistically neutral names of ritual objects, characters taking part in a ritual, ritual actions and episodes referring to the rituals of the Russians in Prikamye. Derivational, grammatical and lexical types of folk terms transformation are defined; their deformation in conditions of modern destruction of traditional rituals is revealed. The authors analyze how the terms of archaic invariant schemes are embodied in their variant forms and describe component changes of these original schemes and patterns. It is concluded that general variability of folk culture is reflected in formal instability of dialect ritual terms.

Keywords: ritual dialect terminology; invariant term forms; component variability; the reasons of formal instability of a folk term.